

Н.П. Генералова
С.-Петербург

**Тургенев – Ренан – Тэн:
Две встречи с большими последствиями.
(Дополнения к Летописи жизни
и творчества Тургенева)¹**

На самом деле встреч было, конечно, гораздо больше, но о них мы многого не знаем. Те две встречи, о которых пойдет речь, произошли в одном году – 1878-м. Этот год выдался очень напряженным в жизни Тургенева: много сил отнимало общение с русскими художниками, своеобразным покровителем которых писатель стал в Париже. А сам Париж готовился в этом году к Всемирной выставке, которая должна была утвердить лидерство Франции и стать своеобразным реваншем за поражение во франко-прусской войне. С самого начала года одну за другой Тургеневу пришлось пережить потери близких людей – Н.А. Некрасова, Ю.П. Вревской, позже ушли Н.В. Ханыков, Н. Н. Тютчев, люди, с которыми он был связан в разное время прочными душевными связями. И поневоле приходили мысли о «роковой очереди», размышления о предстоящем уходе все чаще посещали писателя. Творческое состояние тоже было тревожным. В предыдущем году Тургенев, под влиянием отрицательных отзывов о последнем романе («Новь»), принимает решение оставить литературу, однако литература не оставляет его. Еще не вполне осознанно он ищет новые пути. Пережитые волнения в связи с тяжелейшими потерями России в русско-турецкой войне, осознание оторванности от родины, семейные неурядицы накапливают потребность высказаться в какой-то новой форме. Творческий кризис завершается неожиданно: именно в 1878 году была написана большая часть стихотворений в прозе, своеобразной лебединой песни Турге-

нева, вобравшей в себя мучительные философские, метафизические раздумья о судьбе России, о мироустройстве в целом, о значении конкретных судеб, наконец о собственной судьбе. Окрашенные глубоко личным чувством, эти миниатюры, заложившие впоследствии новый жанр в русской литературе, пока таятся под спудом, не доверяются даже самым близким людям.

К тому времени слава Тургенева как в России, так и в Европе была безусловной, но она скорее тяготила, чем радовала: многое в жизни, когда уже хотелось покоя и тихой радости общения с родными по духу людьми, приходилось перекраивать ввиду известного выражения «la noblesse oblige». Так, Тургенев просто не мог не согласиться принять участие в Международном литературном конгрессе по авторским правам, где ему пришлось стать сопредседателем Виктора Гюго и две недели сопротивляться желанию французов заставить русских издателей платить им за переводы французских произведений в России. Сколько разговоров, споров, встреч пришлось пережить Тургеневу за этот период, трудно вообразить, его квартира стала по сути штабом, где вырабатывалась позиция русской делегации по затронутым на конгрессе вопросам. Но были еще постоянные связи, которые следовало поддерживать. И если встречи и общение с Ипполитом Тэном, чье имя значится в заголовке данного сообщения, были для писателя всегда интересны и поучительны, то общение со знаменитым автором «Жизни Иисуса» Эрнестом Ренаном было скорее данью приличиям. Будучи членом семьи Виардо, с которой Ренан сблизился еще в конце 1850-х годов, Тургенев должен был быть внимательным к человеку, принятому в этом доме с радушием, ведь он был женат на племяннице близкого друга семьи художника Ари Шеффера. Однако самому Тургеневу Ренан поначалу не приглянулся. Когда в 1868 году он встретил его в салоне одной знакомой, то даже не захотел познакомиться. Знаменитый автор показался ему похожим на «застенчивого семинариста», а семинаристов Иван Сергеевич недолюбливал. Знакомство все же состоялось, но четырьмя годами позже, и способствовал этому Гюстав Флобер. И снова сближения не произошло, во всяком случае, никаких

следов его в переписке и в воспоминаниях современников не наблюдается. Скорее всего, русскому писателю не очень близки были труды Ренана, которым тот посвятил жизнь: история христианской религии, история семитских языков и др.

Мы находим имена Тургенева и Ренана упомянутыми вместе в дневнике Фанни Тургеновой в начале 1876 года, затем только через два года, 4 марта н. ст. 1878-го, причем уже в доме Ренана. Тургенев, как отмечает Фанни Николаевна, сидит по правую руку от хозяйки дома². Больше имена Тургенева и Ренана в дневнике Фанни не пересекаются. И все же Ренан считал Тургенева своим другом, как он признался художнику А. П. Боголюбову на прощании с Тургеневым в Париже, где он произнес прочувствованную траурную речь. Были ли тому причины? Очевидно, да.

Думаю, наш французский коллега А. Звигильский, опубликовавший замечательное исследование об отношениях Тургенева, Ренана и Полины Виардо, ошибся, решив, что именно 4 марта н. ст. 1878 года в доме Ренана Тургенев слушал чтение его философской драмы «Калибан»³. Но то, что он ее слушал, не подлежит сомнению и подтверждается взволнованным письмом Тургенева к Ренану от 9 марта того же года. Вот это письмо, которое впервые включено в выходящее ныне Полное собрание сочинений:

«Дорогой господин Ренан, Вы так поспешно удалились, что я не успел поблагодарить вас за то, что вы допустили меня в число слушателей сего еретического творения, названного вами “Калибан”. <...> Однако вернувшись домой и еще раз выражая вам свое восхищение, не могу не сказать, что несмотря на все доводы нашего друга Шарля Эдмона – мое впечатление остается прежним: отсутствие Калибана кажется мне нарушающим равновесие. <...> Я не то чтобы хотел видеть Калибана действующим лицом (в этом Ш. Эдмон прав) – но какой-то внутренний голос во мне настойчиво требует его появления. <...> не кажется ли вам, что не хватает именно этой точки над “i”? – Пишу вам это с пылу с жару – и высказываю вам свою мысль, не преувеличивая ее ценности – да она ее, возможно, и вовсе не имеет. <...> Приношу тысячу из-

винений за это вмешательство – но прошу видеть в нем лишь еще одно доказательство глубокого впечатления, полученного от вашего произведения, которое займет достойное место даже среди того, что вы уже создали⁴».

Тон письма свидетельствует о том, что оно написано сразу после прослушивания пьесы, так сказать по горячим следам. На чтении присутствовал общий знакомый Тургенева и Ренана Шарль Эдмон. За этим псевдонимом скрывался поляк Кароль Хоецкий, натурализовавшийся во Франции и ставший известным публицистом. Ни он, ни сам факт чтения Ренаном своей драмы в дневнике Фанни Тургеновой не упоминаются, что заставляет думать, что чтение происходило не 4-го, а именно 9 марта и, скорее всего, состоялось не у Ренана, иначе как он мог поспешно уйти из собственного дома, не дав Тургеневу возможности поблагодарить его и оставив гостей без хозяина. Составленная Н.Н. Мостовской «Летопись» дает только встречу 4 марта и фиксирует письмо Тургенева от 9-го с отсылкой о «Калибране», осторожно обходя вопрос, где и когда Тургенев его слушал⁵. Между тем очевидно, что эта встреча состоялась именно 9-го. И имела самые серьезные последствия для Ренана.

Прежде чем говорить, почему тон письма Тургенева кажется нам взволнованным, следует сказать несколько слов о самой драме Ренана. Вряд ли Тургенев действительно был в полном восхищении от нее, хотя бы уже потому, что она была заявлена автором как продолжение шекспировской «Бури». Если вспомнить, чем был Шекспир для Тургенева, такая заявка, да еще с использованием шекспировских образов, не могла не покоробить русского писателя. Заимствованные у Шекспира главные герои драмы – «неизвестный историкам» миланский герцог Просперо, Калибан, получеловек-полуживотное (в Обращении к читателям он назван автором «бесформенным существом», «стоящим на пути к превращению в человека»), и «сын света» Ариэль, провозглашенный «символом идеализма», по мнению Ренана, являются тремя самыми глубокими образами Шекспира⁶. Можно представить, какой протест вызвал позже этот тезис у Тургенева, когда он познакомился с печатным текстом и предисловием к нему.

Приспосабливая образы Шекспира к условиям современности, Ренан исходил из того, что английский драматург является «исто-

риком вечности». По мнению Ренана, он «не изображает какую-либо страну или какой-либо конкретный век; он изображает историю человечества», что якобы давало право французскому автору игнорировать вопрос о местном колорите и точности в воспроизведении исторических реалий⁷. Вряд ли могло вдохновить Тургенева и содержание пьесы, преисполненной декларациями, за которыми слишком проглядывало лицо сочинителя. Да и с главной мыслью «Калибана» Тургенев согласиться никак не мог.

О чем же была пьеса Ренана? Мудрый и прекрасный миланский герцог Просперо творит добро, стремясь облагодетельствовать людей последними достижениями науки. Правда, он сам толком не знает, что делает, уверенный лишь в том, что является орудием некой «ищущей воли». Опираясь на «анализ и синтез», он стремится стать «повелителем духов природы», иначе говоря, овладеть ее силами. И вот Просперо решает превратить Калибана в человека, совсем как профессор Преображенский в известной пьесе Михаила Булгакова. Результат оказывается тем же, с той только разницей, что профессору удалось вернуться в исходное положение, а миланскому герцогу нет. «Вочеловечившийся» Калибан организует восстание, свергает герцога и занимает его трон. В ранней редакции пьесы, судя по письму Тургенева, главный герой совсем не появлялся на сцене в последнем (четвертом) действии. Так осталось и в окончательной редакции. Восставший и победивший Калибан уже не интересовал автора. Это соответствовало взглядам Ренана на природу человека, который может стать таковым, только приобщившись к цивилизации, олицетворением которой являлся Просперо. Его философия облечена в изысканные термины и тяготеет к идеализму, в его лексиконе Бог становится «универсальным порывом к бытию», он «осуществится в полной мере тогда, когда наука наденет на себя монархическую корону и будет царствовать, не зная соперничества». Именно тогда «разум возвратит миру утраченную им красоту». Но эксперимент по извлечению «духа» из животного Калибана обречен на неудачу. Этот «дух» оказывается верным своей неизменной природе. Победивший Калибан объявляет войну не только Просперо, но вообще просвещению, науке, книгам, хотя начинает чувствовать вкус к роскоши

и даже ощущает в себе ростки добра. «Все, что идеально, – говорит сподвижник Просперо Ариэль, – не существует для народа; он понимает только одно реальное, – он позитивист». Истинным же носителям цивилизации остается только насмешка над суетой мира. Однако и среди приверженцев Просперо возникает бунт: в конце концов идеалист Ариэль после победы Калибана не желает приспособливаться к новому порядку и выбирает смерть.

Почему Тургенев оказался столь заинтересованным судьбой Калибана, понять легко.

Скептицизм Просперо (и, конечно, Ренана) распространялся не только на свою судьбу и судьбы близких ему людей, но и на весь народ, ибо Калибан и был олицетворением народа. А с такой оценкой народа автор «Записок охотника» согласиться никак не мог. На следующий день после первого письма он пишет второе, где снова настаивает на своем – пьеса не завершена и предлагает сделать смерть Ариэля завершающим аккордом драмы: «...смерть Ариэля – которая должна завершить все, подобно прекрасному аккорду – требует оправдания чем-то столь же могучим и наглядным, как коронация Калибана; иначе восклицание Просперо будет в конце концов не чем иным, как остроумным выпадом, вызванным минутной досадой <...>⁸».

Самое удивительное, что Ренан внял советам Тургенева и дописал целый акт к «Калибану», сделав это буквально за два-три дня. Хотя по существу смысл пьесы не изменился, герой все же приобрел черты, оставляющие надежду на его преображение. Ознакомившись с новым вариантом пьесы, Тургенев писал: «Я очень горжусь тем, что способствовал рождению этого пятого акта. <...> Могу ли я поделиться с вами одним сомнением? <...> я бы убрал фразу: “которая воплощает человеческий дух в его главном устремлении, состоящем в овладении силами природы”. – Это совершенно справедливо и верно – но, на мой взгляд, несколько слишком определено»⁹. Указанная Тургеневым фраза действительно исчезла из окончательной редакции пьесы. Таким образом, писатель был совершенно прав, когда спустя некоторое время писал М. М. Стасюлевичу: «Я слышал чтение “Калибана” из уст самого Ренана (в рукописи); и даже, скажу между нами, он, по моему ходатайству за Калибана, прибавил целый акт»¹⁰.

Но и на этом не закончились серьезные последствия этого творческого вмешательства в текст Ренана. Есть все основания полагать, что в следующей пьесе, вернее «философском диалоге» Ренана, написанном через два года, можно отыскать тургеневский след. Это пьеса «Источник юности», в которой на сцене вновь появляются Просперо, Калибан и воскресает умерший Ариэль. Изгнанный Калибаном Просперо изобретает «живую воду». Он по-прежнему верит в торжество разума и науки, в будущее единение людей, но, осознавая неуместность и несвоевременность своей утопии, решает добровольно уйти из жизни, однако перед тем как покинуть этот несовершенный мир, Просперо признает, что без Калибана нет истории¹¹. Таким образом, «ходатайство» Тургенева за Калибана обернулось по существу отказом Ренана от идеи господства избранных и своеобразным признанием демократии.

Другая встреча, о которой хотелось бы сказать несколько слов, – это встреча Тургенева с Ипполитом Тэном, выдающимся историком и горячим почитателем гения русского писателя. Еще в 1874 году, прочитав во французском переводе «Живые мощи», Тэн написал Тургеневу: «Какой шедевр! Жму вашу руку с уважением и восхищением и, если бы осмелился, обнял вас. Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какое целомудрие! Насколько это показывает, что наши источники иссякли! А рядом – неисчерпаемый, полноводный ручей. Как жаль, что вы не француз!»¹². И тут же признался, что впервые пишет спонтанно писателю о только что прочитанном произведении. Ссылку на этот рассказ Тургенева можно найти в известном труде Тэна «Старый порядок»¹³. По воспоминаниям родных, он до конца жизни перечитывал Тургенева и говорил, что выучил бы русский язык только для того, чтобы читать его произведения в оригинале.

В свою очередь Тургенев чрезвычайно высоко оценил этот труд Тэна и сразу начал вести переговоры с М.М. Стасюлевичем о публикации в «Вестнике Европы» его перевода, однако успеха не достиг¹⁴.

Встреча, о которой пойдет речь, была предопределена отношением Тэна к творчеству Тургенева, которого он ставил выше Толстого и Достоевского и считал наиболее совершенным после греков.

И встреча эта была вызвана обстоятельствами весьма интимного свойства. Конечно, Тургенев был виноват, что не выполнил просьбу Тэна и не уничтожил его письмо, но для нас он оказал великую услугу, поскольку только благодаря этому письму мы узнаем о причине одной из встреч, так и не зафиксированной современной Летописью жизни и творчества Тургенева. Речь шла о Гюставе Флобере и его романе «Бувар и Пекюше».

Роман был задуман Флобером еще в 1872 году, во время жестокой депрессии, в которую погрузилась Франция после сокрушительного поражения во франко-прусской войне. Глубокое разочарование современным состоянием французского общества, свойственное Флоберу и ранее, распространилось на все человечество, не способное справиться с встающими перед ним задачами. Он задумывает написать энциклопедию человеческой глупости в виде истории двух незначительных персонажей, которые, оказавшись на пенсии, решают освоить науки и применить их в жизни. Политика, история, философия, искусство, любовь – все становится объектом беспощадной сатиры. Даже науки во всей совокупности оказываются столь же ненужными и никчемными по отношению к всеохватывающей человеческой глупости, по сути главному персонажу романа. Парадоксальным образом ученые друзья Флобера – Тэн и Ренан – оказывали писателю помощь в разоблачении научных химер, делая для него справки по тем или иным отраслям человеческого знания. Тургенев тоже принимал участие в подборе материалов для романа Флобера. Однако работа над ним затягивалась, становясь все более обременительной для самого автора. На момент написания письма пошел уже седьмой год, как Флобер начал писать роман. Именно это обстоятельство привело Тэна к мысли, что необходимо уговорить писателя прекратить работу над «Буваром и Пекюше». Не зная, как сообщить Флоберу свое мнение, он обратился за помощью к Тургеневу как одному из его ближайших друзей¹⁵.

Вот что писал Тэн Тургеневу 21 марта н. ст. 1878 года о романе Флобера: «Я обещал не говорить о нем никому, исключая вас, поскольку вы тоже его читали. Когда чтение кончилось, он спросил, каково мое мнение; я уклонился от ответа, попросил время для размышления, и вот советуюсь с вами. Мое впечатление таково, что

книга, будь она написана наилучшим образом, не может быть хорошей; комическое, которое, как он полагает, туда вложено, неизбежно не будет иметь успеха и, подобно невзлетевшей ракете, будет только дымиться. Оба героя, будучи ограниченными, глупыми, персонажами на манер Анри Монье, их разочарования и злоключения неизбежно оказываются и плоскими; этого и ждешь, они не заинтересовывают, видишь двух улиток, которые силятся взобраться на вершину Монблана; когда они первый раз падают – это вызывает улыбку; в десятый раз – это невыносимо. Подобный сюжет может дать материал разве что для повести в сотню страниц, но не больше. С другой стороны, науки, по которым они карабкаются, знакомы только специалистам; рядовой читатель не может принять участие в глупостях, которые они совершают в сельском хозяйстве, медицине, физиологии, химии; только специалист поймет, что совершаемая ими глупость – как раз та, которую они должны совершить; любого другого читателя оттолкнет терминология, даже переодетая, узкоспециальные идеи, которые они высказывают. <...> я предвижу провал перед публикой, еще более сильный, чем это случилось с “Воспитанием чувств”. И еще два слова: с динамическим стилем, взволнованной симпатией Доде или фантазией Стерна еще можно заинтересовать читателей историей этих двух одержимых улиток; с бесстрастным стилем, глубоко объективным методом Флобера этого сделать нельзя. Подумайте и скажите, не ошибаюсь ли я. Вы мастер в деле романа, первый, по-моему, среди всех моих современников; вы должны судить и предвидеть лучше, чем я. Если бы Флобер ничего еще не написал, я бы ему сказал тотчас и откровенно. Но он уже два или три года работает над книгой, и если бы мое мнение имело для него цену, он бы страдал от мысли о стольких усилиях и потерянном труде. С другой стороны, он рассчитывает трудиться над ней еще три года: не жестоко ли, если он обманывается, позволить ему выбросить еще столько времени в ту же самую бездну. Я всегда был откровенен с ним, я люблю его и глубоко уважаю; это человек сердца честного и смелого. Я хотел бы поступить с ним, как с добрым и старым другом, но я не знаю, как это сделать. Он не рассердился бы на меня за мою откровенность. Но боюсь бесцельно обескуражить его. Вместе с тем мне больно

видеть, как он заходит в тупик. Душой и сердцем, после долгих размышлений, я полагаю, что он обманывает себя давно, с “Воспитания чувств”, самым духом своей системы, одиноким сосредоточением, долгими занятиями в библиотеках. Благодаря такому образу жизни он должен был кончить историей, биографической критикой, научными восстановлениями древних текстов, но не романами. Еще раз – скажите мне, что я должен делать. Если мое впечатление ложно, тем лучше. Но если вы его найдете справедливым, что мы должны сказать нашему другу?»

По этой длинной цитате можно судить, насколько высоко было мнение Тэна о мастерстве русского писателя и насколько он доверял ему, поделившись своими сомнениями. Трудно предположить, чтобы Тургенев не откликнулся на это взволнованное письмо. И он откликнулся буквально на следующий день: «Вы меня заставили призадуматься!! Не разделяя вполне вашего мнения, я чувствую, что, в сущности, вы правы, что вы лишь вызвали наружу мысли, которые таились во мне, и что самая дружба, которую мы питаем к Флоберу, налагает на нас обязанности, может быть, и тягостные. Мне очень хотелось бы обсудить это с вами подробно, прежде чем принимать какое-либо решение. Назначьте день и час, когда я могу навестить вас, начиная со среды. Я в вашем распоряжении, и, может быть, мы придем к какому-нибудь результату»¹⁶.

Правда, в ближайшие дни встреча не состоялась, как о том свидетельствуют две записки Тургенева с просьбой перенести ее на другой день. Из чего исследователи сделали осторожный вывод, что нельзя сказать, состоялась ли вообще эта встреча¹⁷. Я уверена, что в данном случае осторожность неуместна. Учитывая дружеское отношение Тургенева к Флоберу и важность затронутого вопроса, он просто не мог отказаться от разговора с Тэном. Встреча, несомненно, состоялась в один из ближайших дней. Тургенев, по-видимому, не стал излагать «результат» этой встречи Флоберу в письменной форме, но устная беседа была. Она могла бы состояться 19 апреля н. ст., в один из приездов Флобера из Круассе в Париж, но сорвалась из-за приступа подагры у Тургенева. Она могла состояться и позже, например 30 мая н. ст. 1878 года, после торжественного заседания в зале театра Gaité в связи со столетним

юбилеем Вольтера, на котором оба присутствовали. Можно даже предположить, что в беседе с Тэном Тургенев отговаривал его давать советы Флоберу, ведь он когда-то попытался остановить Флобера и получил строгий выговор¹⁸.

Косвенным свидетельством того, что встреча Тэна и Тургенева по поводу «Буvara и Пекюше» имела место, служит сохранившееся письмо Тэна к Флоберу от 26 июля н. ст. 1878 года, где историк все же высказал свои опасения, причем не скрывая, что советовался по этому поводу с Тургеневым: «Я считаю, что политика и литература будут двумя наиболее интересными главами вашей книги. Что касается возражений, которые вы сами себе сделали, я говорил о них однажды Тургеневу; я не доверяю своему суду, не будучи специалистом; он же сказал вам то, что он думает. В общем, на мой взгляд, опасность большая: вы желаете создать энциклопедию всех возможных глупостей; и многие оплошности (химические, агротехнические и т. д.) совсем не покажутся таковыми обыкновенным читателям, и наоборот, политические и литературные глупости могут быть прочувствованы всеми»¹⁹.

Если Ренан с готовностью последовал совету Тургенева и доработал свою пьесу «Калибан», то Флобер с упорством продолжал работу над романом «Бувар и Пекюше», не вняв призывам друзей. Как известно, роман так и остался незавершенным после его смерти, последовавшей в 1880 году.

Надо думать, что две интереснейшие встречи, о которых шла речь, оказали глубокое воздействие и на Тургенева. И Ренан, и Тэн оказались собеседниками русского писателя далеко не случайно. Их сомнения, их философско-эстетические поиски во многом были близки Тургеневу и не могли не найти отклика в его творчестве. Дело будущих исследователей – отыскать следы этих встреч.

Примечания

1. Тема данной статьи возникла в ходе подготовки очередного тома Писем второго Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, включающего в себя письма писателя за 1878 год, и была частично озвучена в докладе на конференции «Проблемы научной биографии И. С. Тургенева», состоявшейся 10 ноября 2014 г. в ИРЛИ РАН в рамках исследовательского проекта «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1866)», при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00457а.

2. ЛН. Т. 76. С. 391.
3. *Zviguilsky A. Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1992. № 16. P. 12.*
4. *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 2015. Т. 16. Кн. 1. С. 260. Подлинник по-франц.*
5. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876–1883) / Автор-сост. Н.Н. Мостовская. – СПб., 2003. – С. 179–180.
6. *Renan E. Caliban. Suite de «La Tempête». Drame philosophique. Deuxième éd. Paris, 1878. P. I.*
7. *Ibid. P. II.*
8. *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 261. Письмо от 10 марта н. ст. 1878 г. Подлинник по-франц.*
9. Там же. С. 262. Письмо от 14 марта н. ст. 1878 г. Подлинник по-франц.
10. Там же. Т. 16. Кн. 2. Письмо от 5 (17) января 1879 г.
11. См. об этом: *Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 43–45.*
12. Цит. по: *Zviguilsky A. Taine et Tourguéniev // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1993–1994. № 17–18. P. 4–5.*
13. В одном из примечаний Тэн писал: «Что касается современных литературных произведений, то состояние средневековой верующей души великолепно обрисовано <...> Тургеневым в “Живых мощах”» (*Taine H. Les origines de la France contemporaine. 2 éd. Paris, 1876. Т. 1: L’ancien régime. P. 7–8*). Эта ссылка вызвала реплику П.В. Анненкова, писавшего Тургеневу 5 (17) февраля 1876 г.: «...я получил ваши книги и тотчас принялся за них, встретив, к немалому моему удовольствию, на первых же страницах Тэна ссылку на “Живые мощи”: вот что означает истинно поэтическая вещь. Бабенка из Орловской губернии может служить пояснением склада мыслей у средневекового человека» (*Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подгот. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 30*).
14. См.: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 14, письмо 3992 и примеч. 2 к нему, а также примеч. 8 к письму 4190: Там же. Письма. Т. 15. Кн. 1.*
15. Впервые цитируемое ниже письмо Тэна к Тургеневу было опубликовано в книге: *Digeon Cl. Le dernier visage de Flaubert. Paris, 1946. P. 66–68*. В русском переводе, по которому приводится письмо, впервые опубликовано и прокомментировано А.Б. Муратовым: *Муратов А. Б. Ипполит Тэн // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л., 1969. Вып. 5 / Ред. М.П. Алексеев, Н.В. Измайлов. С. 516*. Здесь же приводится французский оригинал письма.
16. *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 264. Подлинник по-франц.*
17. *Муратов А.Б. Ипполит Тэн. С. 517.*
18. См. об этом: *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 16. Кн. 1. С. 418–419.*
19. Цит. по: *Муратов А. Б. Ипполит Тэн. С. 517.*